

Из личной беседы с митрополитом Антонием 8 июня 2000:

У меня очень ясное, яркое чувство, — нет, скорее темное чувство, — что, вступая в третье тысячелетие, мы вступаем в какую-то темную, сложную, в некотором смысле нежеланную пору. Что касается до церковности, вера должна оставаться цельной, но мы не должны бояться думать свободно и высказываться свободно. Все это в свое время придет в порядок; но если мы будем просто без конца повторять то, что было сказано раньше, давно, то все больше и больше людей будут отходить от веры (я сейчас не столько о России думаю, сколько вообще о всем мире); и не потому что то, что раньше говорилось, неверно, а потому что — не тот язык и не тот подход. Люди другие, времена другие, думается по-иному. И мне кажется, что надо вкорениться в Бога и не бояться думать и чувствовать свободно. “Свободно” не означает свободомыслие или презрение к прошлому, к традиционному, но — Бог рабов не хочет. *Я вас не называю больше рабами, Я вас называю друзьями...* И мне кажется это страшно важно: что мы могли бы думать и с Ним делиться. Есть очень многое, чем мы могли бы делиться с Ним в новом мире, в котором мы живем. Это очень хорошо и важно — думать свободно, не стараясь приспособливаться; нужно, чтобы люди мыслящие и с широкой восприимчивостью думали и писали.

Часто Церковь — я говорю о духовенстве и тех людях, которые себя считают сознательными мирянами — испуганы, боятся сделать что-то “не то”. После всех этих лет, когда не было возможности свободно думать и говорить друг с другом и как бы перерастать XIX век, очень много страха и желания непременно только повторять то, что уже принято и как бы стало языком Церкви и мыслью Церкви. Это должно рано или поздно перемениться.

Так что у Церкви сейчас период, когда она, как мне кажется, с одной стороны старается быть сугубо традиционной; а с другой стороны люди все-таки, во-первых, не подготовлены к этому, а во-вторых, некоторые начинают думать, — и им не помогают думать. (Я говорю в целом, не об отдельных людях). И не упускаем ли мы момент, данную нам возможность стать — из церковной организации — **Церковью...**

Сам я дошел сейчас до такой черты, когда учености или богословского образования все равно не могу получить, не могу усовершенствоваться; и хочу говорить только о том, что созрело у меня в душе. Если по форме многим это кажется неприемлемым, то **по существу**, думаю, это не неприемлемо. Думаю, по существу я **не** отхожу от духа Церкви, от духа святоотеческого и т.д., но говорю на другом языке, другим людям. Я думаю, что то же самое говорили о многих отцах. Уж не беря Кирилла Александрийского, но о целом ряде других: “новшество, фантазерство”... Этих слов тогда не было, но подход был такой. Я думаю, что сейчас у Церкви долгий кризис...

Когда кончилась Советская Россия как таковая, я не то Патриарху, не то кому-то писал: не ожидайте быстрых перемен в сознании людей. Сейчас происходит то, что случилось, когда евреи покинули Египет. Они вышли на свободу, а свобода оказалась совсем нежеланной. Люди говорили: к чему мы ушли? Где котлы полные мяса и вкусных вещей? теперь у нас только песок вокруг да еще что-нибудь, что мы словим. Это одно. И второе: перейти из Египта в землю обетованную можно было в несколько дней, ну, неделю. Они бродили сорок лет; почему? потому что Бог им определил бродить, пока не умрет все поколение, которое выросло в рабстве, и пока не вырастет то поколение, которое выросло на свободе и в совершенно дикой обстановке, где была только вера в Бога и ничего другого. По дороге они забрели на Синай и получили Десятисловие, но все рабское поколение должно было уйти.

И мне кажется, что то же самое с Церковью. После всех этих лет, когда можно было Церкви продолжать существовать только крайней верностью всей форме, конечно, очень страшно начать думать и начать ставить вопросы. Удивительно, что в древности отцы Церкви только этим и занимались, что вопросы ставили. Если они ответы давали, то потому что сами же и вопросы ставили. Ответы не падали с неба на несуществующие вопросы. Причем вопросы, которые были обращены к людям, окруженным язычеством, т.е. совершенно инородным опытом и инородным

мировоззрением. И вот нам надо это принять в учет. В христианской стране сейчас никто не живет. Есть герои духа и люди верные Евангелию и т.д., но говорить о странах, что они христианские или не христианские, больше не приходится. Так же как неверно говорить, скажем, о *русском* православии.

Скажем, здесь [в Лондоне] меня сейчас очень упрекает целая группа людей (не очень многочисленная): вы, де, изменили русскому православию, потому что строите не “РУССКУЮ” Церковь... А я с самого начала говорил: мы строим — *Церковь* как можно больше похожую на первоначальную древнюю Церковь, когда людей, абсолютно ничего общего между собой не имущих, одно только соединяло: Христос, их вера. Стояли рядом раб и господин, люди всех возможных языков. К этому я стремился здесь: чтобы люди какие угодно могли прийти и сказать — да, у нас общее одно: Бог... И мне кажется, что в этом разрешение проблемы. Потому что если мы начинаем говорить о русском, греческом или ином православии, мы теряем людей. Дело не в том, что “мы” как приходы теряем людей. Но еще сорок с лишним лет назад я говорил с епископом Иаковом Апамейским, очень хорошим человеком, священником. Он мне говорил: знаете, мы теряем полтора человека молодежи в год, потому что они отбились от греческого языка... Я спрашиваю: почему их не посылать к нам? — Нет, мы предпочитаем, чтобы они пропали, чем их передать в “чужую” Церковь... Вот против чего я боролся и буду бороться. Потому что нам нужны *верующие*, — люди, которые *встретили* Бога. Я не говорю в грандиозном смысле; не каждый может быть апостолом Павлом, — но которые хоть в малой мере могут сказать: я Его знаю! И он, и она, они тоже нечто подобное знают, и мы можем вместе стоять, даже если у нас обычаи иные. А обычаи тоже вещь такая, которая перерабатывается не сразу.

Я хотел бы иметь возможность еще один год провести русские беседы, вернуться к каким-то основным вещам, но в этих основных вещах, может быть, будут моменты, которые не будут восприняты с симпатией... Отец Георгий Флоровский мне как-то сказал: знаете, нет ни одного отца, у которого нельзя найти ереси, за исключением Григория Богослова, который был такой осторожный, что ничего лишнего не сказал... Так что у всех найдут что-нибудь. Но тогда возьми то, что сказано и что тебе кажется неверным, продумай, и скажи свое; причем не обязательно раскритикуй, а скажи: вот, на основании того, что я слышал, какие мысли *мне* приходят, и посмотрим, как они дополняют или исправляют другое... *Я думаю, что очень важно, чтобы сейчас мы мыслили и делились мыслями — даже с риском, что мы заврёмся, — кто-нибудь нас поправит, вот и всё.*

Помню, как я был смущен, когда Николай Зернов пятьдесят лет назад мне сказал: “Вся трагедия Церкви началась со Вселенских соборов, когда стали оформлять вещи, которые надо было оставлять еще гибкими”. Я думаю, что он был прав, — *теперь* думаю, тогда я был в ужасе. Это не значит, что Вселенские соборы были не правы, но они говорили то, до чего они дожились. И с тех пор богословы тоже до чего-то дожились... Скажем, отца Сергия Булгакова считали еретиком, а теперь многие совсем по-иному на него смотрят. И то неправильно, и сё неправильно. Есть у него вещи, которые неприемлемы, а есть и наоборот...

(Опубликовано в газете "Русская мысль" от 20-26 июля 2000)